ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

ПРЕДМЕТЪ И ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГІИ,

какъ объективной науки.

Акад. В. М. Бехтерева.

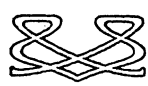
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ „Т-ВО ХУДОЖ. ПЕЧАТИ", ИВАНОВСКАЯ УЛ., 14.
1911.

ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

ПРЕДМЕТЪ И ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГІИ,

какъ объективной науки.

Акад. В. М. Бехтерева.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ „Т-ВО ХУДОЖ. ПЕЧАТИ", ИВАНОВСКАЯ УЛ., 14.
1911.

\B

Пров 36
Пров. 1959
пр.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
036
39

Предметъ и задачи общественной психологіи, какъ объективной науки *).

I. Введеніе.

бщественныя событія являются дѣяніями человѣческихъ рукъ, а потому, каковы бы ни были внѣшнія вліянія, ихъ опредѣляющія, самъ человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть игнорируемъ, какъ факторъ общественныхъ событій.

Но дѣятелемъ здѣсь является не та или другая личность, а цѣлое общество, толпа, собраніе или народъ, а это—не одно и то же. Отсюда очевидно, что психологія отдѣльныхъ лицъ или индивидуальная психологія не пригодна для уясненія общественныхъ движеній и развитія общественныхъ событій, поскольку отдѣльная личность не можетъ быть олицетвореніемъ всего общества или народа. На этой почвѣ, собственно, и возникаютъ попытки создать особую психологію народовъ.

Еще въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія Steinthal и Lazarus сдѣлали такую попытку созданія „психологіи народовъ". Они исходили изъ предположенія, что народный духъ отличенъ отъ индивидуальной души. Существованіе народнаго творчества, какъ бы говорило, по ихъ мнѣнію, въ пользу существованія особаго сверхличнаго сознанія или собирательнаго народнаго духа. Благодаря этому и различія въ культурѣ народовъ, объясняются будто бы особенностями ихъ національнаго или народнаго духа.

Но эта попытка не встрѣтила большого сочувствія, такъ какъ о сверхличномъ сознаніи или объ единомъ народномъ духѣ можно говорить лишь въ видѣ фигуральнаго сравненія, а ничуть не какъ о реальномъ фактѣ.

Дѣло въ томъ, что, если понимать подъ сознаніемъ внутреннее содержаніе „я", или личности, какъ это вообще общепризнано, то немыслимо дѣлить человѣческое сознаніе на индивидуальное и общественное или народное сознаніе, понимая подъ послѣднимъ не собирательное или объединенное сознаніе отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ народа и его представителей, а нѣчто

*) Докладъ, читанный при открытіи Психологической секціи совѣта Психо-Неврологическаго института 20 февраля 1910 г.

выдѣляющееся, какъ единое сверхличное сознаніе. Вполнѣ естественно поэтому, что попытка создать соціальную психологію на такомъ основаніи не могла имѣть успѣха и была встрѣчена возраженіями съ разныхъ сторонъ.

Дальнѣйшимъ развитіемъ той же идеи, но въ другомъ направленіи, является работа W. Wundt'a относительно „психологіи народовъ“. Предметомъ своего изслѣдованія онъ взялъ собственно языкъ, миѳы и обычаи, какъ продукты коллективной дѣятельности народнаго ума, и задался цѣлью при этомъ изучить тѣ психическіе законы, которые въ нихъ проявились.

Легко видѣть, что здѣсь дѣло идетъ уже не о сверхличномъ или народномъ сознаніи, а объ изученіи коллективной творческой дѣятельности и въ этомъ отношеніи В. Вундтомъ, несомнѣнно, сдѣланъ существенный шагъ впередъ, хотя имъ и не создана соціальная или общественная психологія въ настоящемъ смыслѣ слова.

По В. Вундту *), общіе продукты творческой дѣятельности обусловливаются тѣмъ, что „творчество одного индивида можетъ быть признано со стороны другого адэкватнымъ выраженіемъ его собственныхъ представленій и аффектовъ, а потому множество различныхъ лицъ могутъ быть въ одинаковой мѣрѣ творцами одного и того же представленія“. Дѣло, такимъ образомъ, сводится къ тому, что въ общественныхъ организаціяхъ можно говорить объ индивидуальныхъ психическихъ процессахъ, которые въ той мѣрѣ, въ какой они отвѣчаютъ такимъ же процессамъ другихъ лицъ, являются общими продуктами психической дѣятельности извѣстнаго ряда лицъ. Но въ такомъ случаѣ, очевидно, не можетъ быть и общественной психологіи, такъ какъ при этомъ для нея не открывается никакихъ новыхъ задачъ, кромѣ тѣхъ, которыя входятъ и въ область индивидуальной психологіи.

Очень многое было сдѣлано для изученія особенностей психическихъ проявленій толпы авторами романскихъ народовъ. Мы упомянемъ здѣсь о работахъ Tarde'a, Lebon'a, Sighele и др.

Въ Россіи психологія толпы изучалась Михайловскимъ, а за нимъ и цѣлымъ рядомъ другихъ авторовъ. Но толпа является однимъ изъ видовъ общественныхъ формъ и при томъ наиболѣе элементарнымъ изъ нихъ, представляющимъ всѣ особенности стаднаго характера. Такимъ образомъ, толпа является лишь однимъ изъ объектовъ изслѣдованія психологіи, изучающей общественныя проявленія нервно-психической дѣятельности человѣка.

Къ общественно-психологическимъ вопросамъ нервно-психическихъ проявленій относится и работа автора настоящаго труда, вышедшая впервые въ 1898 году подъ заглавіемъ: „Роль внушенія въ общественной жизни“ **), въ которой оцѣнено значеніе внушенія, какъ важнаго фактора въ области проявленія общественныхъ психическихъ процессовъ. Съ тѣхъ поръ до позднѣйшаго времени, сколько намъ извѣстно, почти не было попытокъ охватить психическія проявленія народныхъ массъ въ ихъ цѣломъ, и, такимъ образомъ, не было еще создано той научной дисциплины, которая имѣетъ предметомъ своего изученія психологію не отдѣльныхъ личностей, а психологію народныхъ массъ въ самыхъ разнообразныхъ ихъ формахъ, и которая должна получить названіе „общественной“ или „соціальной“ психологіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Лишь въ позднѣйшее время появилась работа А. Копельмана ***), стремящагося установить общую точку зрѣнія на этотъ предметъ, при чемъ его анализъ приводитъ къ совершенному исключенію народнаго духа или сверхличнаго сознанія. По автору, „въ основѣ соціальныхъ духовныхъ продуктовъ могутъ лежать единственно только индивидуально-психическіе процессы“, и потому корень соціальныхъ явленій нельзя искать „въ чемъ-либо другомъ, кромѣ индиви-

*) W. Wundt. Völkerpsychologie, II часть, стр. 593.

**) Вышло 3-мъ изданіемъ въ 1908 г.

***) Чѣмъ должна быть коллективная психологія. Введеніе къ работамъ по коллективной психологіи. Одесса 1908 г.

дуальныхъ сознаній, исключительно индивидуальныхъ, не имѣющихъ никакихъ соціальныхъ отдѣленій".

Авторъ признаетъ, что соціальные продукты, являясь произведеніемъ отдѣльныхъ лицъ, обладаютъ характеромъ заключающагося въ нихъ объединенія индивидуальныхъ продуктовъ, но онъ не считаетъ возможнымъ дѣлать изъ этого факта заключеніе «объ единствѣ сознаній создавшихъ ихъ индивидуумовъ, народа».

Онъ допускаетъ общественное единство или—въ цивилизованныхъ народахъ—много отдѣльныхъ единствъ подъ общимъ названіемъ «коллектива», подъ которымъ авторъ понимаетъ «всякую групповую единицу, объединенную происходящимъ въ ней процессомъ установленія психическаго единства» (стр. 37). Объектомъ коллективной психологіи авторъ и признаетъ такой коллективъ. Коллективная психологія поэтому изслѣдуетъ, по автору, не особенный психическій процессъ, а беретъ его въ связи съ процессами, происходящими въ остальныхъ членахъ коллектива, и ищетъ опредѣлить суть этой связи, взаимоотношеніе между такими индивидуальными процессами, закономѣрность, проявляющуюся при этомъ.

Эта точка зрѣнія, несомнѣнно, правильнѣе той, которая заявлялась другими авторами. Къ сожалѣнію, авторъ далѣе общей постановки вопроса не пошелъ.

Мы не думаемъ также, чтобы вводимый имъ терминъ—коллективъ—привился въ той области знанія, о которой идетъ рѣчь. Мы думаемъ, что термины «общество» и «общественный», какъ находящіеся уже въ общемъ употребленіи, болѣе подходятъ къ обозначенію и предмета изслѣдованія и самой науки, такъ какъ всякое общество предполагаетъ ту или другую связь между отдѣльными индивидами, тогда какъ «коллективность», «соборность», хотя и предполагаетъ извѣстную связь между членами, но эта связь не обязательно должна быть внутренней, а можетъ быть и чисто внѣшней.

На этомъ основаніи мы признаемъ болѣе правильнымъ обозначать новую научную дисциплину, имѣющую цѣлью изслѣдованіе психическихъ продуктовъ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго ихъ собранія, предполагающаго внутреннюю связь между отдѣльными лицами, «общественной или соціальной психологіей».

Мы не считаемъ возможнымъ согласиться также съ основной точкой зрѣнія автора, говорящаго «объ единствѣ сознаній» отдѣльныхъ индивидовъ, «о душѣ коллектива»—въ pendant къ индивидуальной душѣ (стр. 42), «о сліяніи психикъ», «образующихъ единую коллективную душу».

Мы полагаемъ, что въ обществахъ и собраніяхъ можно говорить о взаимодѣйствіи и до извѣстной степени о нивелировкѣ продуктовъ нервно-психической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, но не объ единствѣ ихъ въ формѣ созданія «единой коллективной души», что мало обособляетъ насъ отъ взглядовъ Steinthal'я и Lazarus'а, противъ которыхъ возстаетъ и самъ авторъ.

Повидимому, наиболѣе полно мысли Копельмана переданы въ слѣдующемъ пунктѣ (стр. 42 и 43): «Мы должны себѣ представить психику каждаго индивидуума сливающеюся въ большей или меньшей степени съ психикой другихъ индивидуумовъ. Къ психическому содержанію индивидуума, къ матеріалу, относящемуся и выработанному въ его мозгу, прибавляется содержаніе другихъ сознаній». «Такимъ образомъ, происходитъ въ большей или меньшей степени сліяніе психикъ, онѣ всѣ образуютъ единую коллективную душу. Въ этой единой душѣ, въ объединенномъ, но въ началѣ многообразномъ психическомъ содержаніи и происходитъ рядъ процессовъ, въ результатѣ коихъ получается все большее уничтоженіе этого многообразія, т. е. единство; въ ней и происходитъ единое коллективное творчество».

Въ противовѣсъ автору мы думаемъ, что правильнѣе говорить въ общественныхъ группахъ о собраніи психикъ и объ ихъ взаимодѣйствіи и нивелировкѣ, что приводитъ къ объединенію продуктовъ психическаго творчества, но не объ «единой психикѣ коллектива» или «единой коллективной душѣ», каковой въ дѣйствительности не существуетъ. Словомъ, психическая дѣятельность отдѣльныхъ

лицъ, находящихся въ общихъ собраніяхъ и группахъ, благодаря взаимодѣйствію другъ на друга даетъ въ результатѣ общіе или соціальные продукты творчества, ничуть не утрачивая своей самобытности и не сливаясь вмѣстѣ съ другими въ одну общую единую психику или «единую душу».

Далѣе, мы рѣшительно стоимъ противъ всякаго субъективизма въ общественной психологіи, который является неизбѣжнымъ въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ «единствѣ сознаній», какъ основѣ коллектива.

По нашему мнѣнію, если въ индивидуальной психологіи возможна рѣчь о сознаніи, такъ какъ дѣло идетъ въ этомъ случаѣ объ изслѣдованіяхъ, производимыхъ путемъ самонаблюденія надъ самимъ собою и переносимыхъ по аналогіи на другихъ лицъ, то мы ничуть не можемъ пользоваться методомъ самонаблюденія, основаннымъ на аналогіи со своимъ собственнымъ сознаніемъ, въ примѣненіи къ массѣ лицъ въ общественныхъ группахъ, допуская при этомъ гипотетическое «единство душъ» или «единство сознаній», слѣдовательно, предполагая единство ихъ содержанія, т. е. единство ощущеній, представленій и пр.

Мы полагаемъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о проявленіи нервно-психической дѣятельности массы лицъ, мы должны совершенно оставить субъективную точку зрѣнія, такъ какъ, только фигурально выражаясь, мы можемъ говорить о народной душѣ, о народномъ чувствѣ, о народномъ представленіи, понимая подъ этимъ, собственно, чувства или представленія многихъ лицъ, особенно изъ среды руководящаго класса населенія, но не слитное чувство или представленіе массы лицъ.

Отсюда очевидно, что въ общественной психологіи мы можемъ говорить о проявленіяхъ или продуктахъ нервно-психической дѣятельности цѣлой группы лицъ и объ ихъ внѣшнихъ реакціяхъ при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, а не о субъективной сторонѣ ихъ психики, которая остается въ этомъ случаѣ внѣ поля изслѣдованія. Иначе говоря, общественная психологія должна быть наукой исключительно и въ строгомъ смыслѣ слова объективной, а не субъективной.

II. Опредѣленіе общественной психологіи.

Понимаемая въ вышеуказанномъ смыслѣ общественная психологія не должна быть отождествляема съ психологіей народовъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ понимаетъ ее В. Вундтъ. Отъ послѣдней общественная психологія вполнѣ отграничивается, такъ какъ предметомъ ея не служатъ одни лишь миѳы, обычаи и языкъ народовъ, но всѣ, вообще, проявленія общественной нервно-психической дѣятельности—и при томъ не только такихъ большихъ племенныхъ общественныхъ группъ, какъ отдѣльные народы, но и болѣе мелкихъ соціальныхъ группъ, на которыя раздѣляются отдѣльные народы, а также и проявленія общественной дѣятельности группъ, выдѣляемыхъ народами для установленія совмѣстной международной дѣятельности.

Не подлежитъ сомнѣнію, что миѳы, обычаи и языкъ отражаютъ въ себѣ въ значительной мѣрѣ особенныя черты народа и потому составляютъ матеріалъ для національной психологіи каждаго народа,—матеріалъ, хотя и цѣнный, но далеко еще не исчерпывающій предмета въ указанномъ отношеніи.

Дѣло въ томъ, что и другіе продукты нервно-психической дѣятельности народа, какъ наука, искусство, религія, исторія и пр., поскольку они являются оригинальнымъ продуктомъ дѣятельности даннаго народа, также могутъ служить въ извѣстной мѣрѣ для характерологіи народовъ. Хотя эти продукты творческой дѣятельности и отнесены Вундтомъ къ продуктамъ индивидуальнаго творчества или творчества отдѣльныхъ личностей даннаго народа и какъ бы противополагаются тѣмъ продуктамъ безличнаго соціальнаго творчества, къ каковымъ, по его взгляду, должны быть отнесены миѳы, обычаи и языкъ, но несомнѣнно, что и эти продукты творческой дѣятельности народовъ въ той мѣрѣ, въ какой они отражаютъ собою продукты коллективной дѣятельности представителей даннаго народа, ихъ воззрѣній и взглядовъ, не могутъ быть исключены изъ характерологіи послѣдняго.

Какъ бы то ни было, изученіе миѳовъ, обычаевъ и языка народовъ, имѣя особое значеніе по отношенію къ ихъ національной психологіи, ничуть не представляетъ собою не только единственнаго, но даже источника изученія общественной психологіи. При томъ же общественная психологія имѣетъ своею цѣлью не изслѣдованіе племенныхъ особенностей психической дѣятельности, сложившихся подъ вліяніемъ ряда историческихъ событій и условій климата и мѣстности, на которой данный народъ живетъ и развивается, а опредѣленіе общественныхъ настроеній и аффектовъ, общественной интеллектуальной работы и общественной дѣятельности. Поэтому въ общественной психологіи, какъ мы ее понимаемъ, результаты изслѣдованій относительно миѳовъ, языка и обычаевъ могутъ занимать лишь особый отдѣлъ и не могутъ занимать въ ней исключительнаго или даже первенствующаго положенія.

Прежде всего, миѳы и обычаи, идущіе изъ старины и являющіеся пережитками давняго прошлаго, не могутъ характеризовать современное общество. Равнымъ образомъ, и языкъ, сложившійся вѣками, самъ по себѣ не даетъ матеріала для психологическаго изслѣдованія современныхъ общественныхъ группъ. Скорѣе въ этомъ случаѣ не миѳы и не языкъ, а содержаніе и внѣшняя форма тѣхъ заявленій, которыя дѣлаются тѣмъ или другимъ народнымъ собраніемъ или представительствомъ, имѣетъ значеніе для психологической характеристики самого народа, равно какъ различныя стороны его быта и проявленія народныхъ движеній.

Общественная психологія, какъ показываетъ и самое названіе, естественно соприкасается съ индивидуальной психологіей, обособляясь отъ нея тѣмъ, что она изслѣдуетъ не психическія проявленія отдѣльныхъ индивидовъ, а психическія проявленія ихъ соціальныхъ группъ.

Въ этомъ смыслѣ имѣется даже извѣстное противоположеніе между индивидуальной психологіей и общественной психологіей, такъ какъ первая стремится выяснить особенности отдѣльной личности, найти различіе между психическимъ складомъ отдѣльныхъ лицъ и указать психологическую основу этихъ различій, тогда какъ общественная психологія, изучая массовыя или коллективныя проявленія нервно-психической дѣятельности, имѣетъ въ виду, собственно, выяснить, какъ путемъ взаимоотношенія отдѣльныхъ индивидовъ въ общественныхъ группахъ и сглаживанія ихъ индивидуальныхъ различій достигаются соціальные продукты нервно-психической сферы.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ проявленіяхъ нервно-психической дѣятельности соціальныхъ или общественныхъ группъ имѣются извѣстныя особенности, проистекающія изъ того, что эта дѣятельность проявляется не въ индивидахъ, взятыхъ отдѣльно другъ отъ друга, а въ группахъ и собраніяхъ лицъ, спаянныхъ опредѣленными интересами и дѣйствующихъ и работающихъ поэтому сообща, какъ одно собирательное цѣлое.

Можно опредѣленно сказать, что даже личности, входящія въ составъ того или другого собранія, нерѣдко обнаруживаютъ такія стороны своей нервно-психической дѣятельности, которыя обычно не проявляются въ индивидуальной жизни.

Нерѣдко, напримѣръ, человѣкъ въ толпѣ или собраніяхъ преобразуется до такой степени, что даже перестаетъ походить на самого себя, т. е. на человѣка, какимъ онъ является, будучи предоставленъ самому себѣ.

Далѣе, случается, что человѣкъ, спокойный и даже нѣсколько апатичный, возбуждаясь въ толпѣ или собраніи дѣлаемыми здѣсь заявленіями, быстро заражается общимъ настроеніемъ и входитъ въ такой пафосъ, какого онъ никогда въ условіяхъ индивидуальной жизни не проявилъ бы.

Благодаря извѣстному подъему настроенія, находящему благопріятныя условія въ толпѣ, такого рода лица въ своихъ страстныхъ рѣчахъ склоняютъ иногда массу другихъ лицъ къ крайнимъ рѣшеніямъ, которыя являются, однако, несоотвѣтствующими ихъ спокойному образу дѣйствій и поступковъ въ индивидуальной жизни, гдѣ они бываютъ обыкновенно осторожными и осмотрительными.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, почему общественная психологія, выясняющая особенности проявленія нервно-психической дѣятельности массы лицъ, должна быть обособляема отъ той психологіи, которая имѣетъ своей задачей изслѣдованіе продуктовъ нервно-психической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ или индивидуальной психологіи.

Съ другой стороны, общественная психологія соприкасается и съ соціологіей, такъ какъ изучаетъ основы совокупной психической дѣятельности соціальныхъ группъ. Въ этомъ отношеніи мы должны сказать, что общественная психологія является тѣмъ промежуточнымъ звеномъ, которое соединяетъ между собою двѣ науки: индивидуальную психологію и соціологію.

Послѣдняя изучаетъ установленіе самой общественной жизни и соціальныя явленія, ихъ причины и слѣдствія, не задаваясь вовсе цѣлью проникнуть въ самый механизмъ психологическаго развитія этихъ явленій, который относится всецѣло къ задачамъ общественной психологіи. Соціологія изучаетъ общественныя установленія и общественные факты и явленія, а также ихъ взаимное соотношеніе, прилагая къ нимъ, гдѣ нужно, психологическое объясненіе. Но собственно изслѣдованіе законовъ массовой или коллективной нервно-психической дѣятельности не входитъ въ ея задачи. Она ихъ только прилагаетъ къ объясненію тѣхъ или иныхъ общественныхъ событій.

При этомъ, конечно, нельзя не отмѣтить особаго значенія общественной психологіи для соціологіи. Сама по себѣ соціологія, устанавливая связь между тѣми или другими явленіями, не можетъ дать соотвѣтствующаго объясненія во многихъ случаяхъ безъ обращенія къ общественной психологіи, такъ какъ только послѣдняя и даетъ возможность не только установить, но и ближе опредѣлить существованіе причинной связи между одними и другими соціальными явленіями.

Въ то же время общественная психологія не считаетъ своею прямою цѣлью изучать самые общественные факты и явленія, она изучаетъ лишь психологическій механизмъ развитія общественныхъ явленій, ихъ психологическую подготовку и изучаетъ условія, при которыхъ нервно-психическія явленія, развивающіяся въ рядѣ индивидовъ, становятся соціально-психологическими явленіями.

Словомъ, соціологія имѣетъ дѣло съ соціальными фактами и явленіями, объясняя ихъ съ психологической или какой-либо иной точки зрѣнія; общественная же психологія имѣетъ дѣло съ механизмомъ обобществленія или соціализаціи индивидуальныхъ психологическихъ явленій, объясняя, какъ этимъ путемъ подготовляется то или иное общественное явленіе *).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что соціальныя явленія, служащія предметомъ изученія соціологіи, не замыкаются только въ схему явленій, психологически объясняемыхъ, такъ какъ на развитіе соціальныхъ явленій оказываетъ вліяніе и цѣлый рядъ другихъ факторовъ (экономическихъ, правовыхъ, географическихъ, климатическихъ и пр.), между тѣмъ какъ общественная психологія говоритъ намъ только о психологическомъ механизмѣ общественныхъ явленій.

III. Предметъ и задачи общественной психологіи.

Изъ вышесказаннаго очевидно, что предметомъ общественной психологіи является изученіе психологической дѣятельности собраній и сборищъ, составляемыхъ изъ массы лицъ, проявляющихъ свою нервно-психическую дѣятельность какъ цѣлое, благодаря общенію ихъ другъ съ другомъ. Совершенно безразлично, будемъ ли мы имѣть предъ собой случайно собравшуюся толпу на улицѣ, привлеченную какимъ-либо уличнымъ событіемъ, или мы имѣемъ общественный митингъ по поводу одного изъ событій, взволновавшихъ общество, или имѣется общественное или даже правительственное собраніе лицъ для опредѣленной цѣли, —вездѣ и всюду мы будемъ встрѣчаться съ проявленіемъ общественныхъ настроеній, соборнаго умственнаго творчества и коллективныхъ дѣйствій многихъ лицъ,

*) См. Копельманъ l. c.

связанныхъ другъ съ другомъ тѣми или другими условіями, а потому всѣ эти проявленія и должны быть предметомъ общественной психологіи.

Такимъ образомъ, предметомъ общественной психологіи должны быть продукты нервно-психической дѣятельности общественныхъ или соціальныхъ группъ вообще, независимо отъ ихъ характера и цѣли. Какъ индивидуальная объективная психологія беретъ своимъ предметомъ изученіе нервно-психической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ въ связи съ тѣми прошлыми и настоящими вліяніями, которыя ее обусловливаютъ *), такъ и предметомъ общественной психологіи должны быть продукты дѣятельности тѣхъ или другихъ соціальныхъ группъ, какъ извѣстнаго цѣлаго, объединеннаго тѣмъ или другимъ цементомъ партійнаго, правового, религіознаго, служебнаго, профессіональнаго, школьнаго или семейнаго характера, въ связи съ внѣшними текущими и прошедшими общественными условіями, которыя въ нихъ отражаются.

Очевидно, что предметъ общественной психологіи долженъ имѣть въ виду тѣ же стороны нервно-психической дѣятельности, какія имѣетъ въ виду и индивидуальная психологія, но она изслѣдуетъ при этомъ дѣятельность массы лицъ, связанныхъ между собою общностью условій. Такимъ образомъ, хотя общественная психологія имѣетъ дѣло также съ проявленіями нервно-психической сферы отдѣльныхъ лицъ, но лицъ, спаянныхъ между собою общими интересами и, стало-быть, въ данныхъ условіяхъ общественной дѣятельности обнаруживающихъ проявленія собирательной нервно-психической дѣятельности. Поэтому, если въ индивидуальной психологіи мы имѣемъ дѣло съ такими явленіями, какъ чувство, умъ и воля, то и въ общественной психологіи мы должны имѣть въ виду тѣ же стороны нервно-психической дѣятельности, т. е., говоря объективнымъ языкомъ, проявленія общественныхъ аффективныхъ состояній и общественной впечатлительности, общественнаго творчества и общественныхъ рѣшеній и дѣйствій.

Какими бы внѣшними причинами ни устанавливалось объединеніе тѣхъ или другихъ соціальныхъ группъ, но, если между отдѣльными членами данной группы достигается извѣстное психическое взаимоотношеніе въ смыслѣ большаго или меньшаго согласованія тѣхъ или иныхъ сторонъ ихъ нервно-психической дѣятельности, соціальная дѣятельность оказывается уже возможною. Особенности этой соціальной нервно-психической дѣятельности, условія и законы ея развитія и должны служить предметомъ изученія общественной психологіи.

Такимъ образомъ, предметомъ общественной психологіи должны служить всѣ проявленія нервно-психической дѣятельности въ разнообразныхъ общественныхъ группахъ и собраніяхъ, начиная съ простой толпы, сходокъ, митинговъ и кончая собраніями въ формѣ научныхъ обществъ и коллегіальныхъ учрежденій общественнаго и правительственнаго характера, въ формѣ такъ называемыхъ совѣтовъ, комитетовъ и т. п.

Итакъ, въ задачи общественной психологіи должно входить выясненіе того, какъ въ массѣ лицъ, составляющихъ одно общество, проявляется эмотивный элементъ, т. е. настроеніе и аффекты, а равно и общественная впечатлительность, какъ проявляется ассоціативная и интеллектуальная дѣятельность массы лицъ, соединенныхъ въ одно сообщество, и въ какихъ формахъ обнаруживается дѣйствованіе массы тѣхъ же лицъ. Для общественной психологіи не представляются существенными ни размѣры той или другой группы, ни постоянный или временный ея характеръ; но она можетъ и должна принимать во вниманіе условія, объединяющія данную группу лицъ въ томъ или иномъ отношеніи, такъ какъ отъ этихъ условій зависитъ какъ характеръ, такъ и особенности общественной нервно-психической дѣятельности.

IV. Методъ общественной психологіи.

Что касается мѣтода общественной психологіи, то, какъ мы уже говорили, онъ долженъ быть исключительно объективный. Общественная психологія, изучая

*) В. Бехтеревъ. Объективная психологія. „Вѣстникъ Психологіи“ 1908 г. и отдѣльное изданіе.

особенности нервно-психической дѣятельности собраній или группы лицъ, не можетъ становиться на точку зрѣнія того воображаемаго собирательнаго „я“, которое стало бы повѣствовать о всемъ пережитомъ толпой или собраніемъ, такъ какъ это явилось бы простымъ отраженіемъ субъективной точки зрѣнія; но разсказы отдѣльныхъ личностей, бывшихъ въ толпѣ или собраніи, могутъ быть использованы и общественной психологіей, поскольку они носятъ характеръ объективности и поскольку они характеризуютъ отдѣльныя личности и самое развитіе общественнаго дѣла. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ эти разсказы должны быть предметомъ строго объективнаго, а не субъективнаго анализа.

Собственно, общественная психологія въ отношеніи своего метода должна идти по стопамъ объективной индивидуальной психологіи. Поэтому она должна наблюдать и регистрировать внѣшнюю сторону проявленій нервно-психической дѣятельности массы лицъ, устанавливая соотношенія ея съ тѣми предшествующими внѣшними вліяніями, которыя послужили причиной массовой дѣятельности лицъ въ каждомъ данномъ случаѣ. При этомъ, конечно, долженъ быть принимаемъ во вниманіе какъ характеръ, такъ и составъ собранія, такъ какъ само собраніе представляетъ собою какъ бы общественную индивидуальность и подобно тому, какъ индивидуальность въ психологіи отдѣльныхъ лицъ имѣетъ значеніе въ отношеніи проявленій ихъ нервно-психической дѣятельности, такъ и характеръ и составъ собранія оказываютъ огромное вліяніе на результаты его дѣятельности.

Такимъ образомъ, общественная психологія должна не только выяснять настроеніе или аффективную сторону того или другого собранія и его извѣстную чуткость или впечатлительность, но и его творческую дѣятельность, а также его рѣшенія и общую дѣятельность, но всѣ эти нервно-психическія проявленія массы лицъ она должна разсматривать въ связи, съ одной стороны, съ характеромъ собранія лицъ, съ другой стороны—съ тѣми или иными внѣшними вліяніями, которыя послужили основной причиной и условіями дѣятельности даннаго собранія въ томъ или иномъ случаѣ.

Только этотъ методъ и можетъ правильно освѣтить намъ особенности проявленій нервно-психической сферы массы лицъ, спаянныхъ между собою тѣми или иными общественными условіями. Спрашивается, возможно ли примѣненіе къ общественной психологіи экспериментальнаго метода изслѣдованія? По нашему мнѣнію, оно не только возможно, но и необходимо. Какъ развитіе современной индивидуальной психологіи опирается на психологическій экспериментъ, такъ и будущее развитіе общественной психологіи должно имѣть въ виду не одни только результаты психологическаго наблюденія, но и психологическій экспериментъ, производимый одновременно надъ массой лицъ той или иной общественной группы, и при томъ такой экспериментъ, который выяснялъ бы особенности коллективной нервно-психической дѣятельности вообще и данной группы въ частности. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ если и дѣлались иногда эксперименты надъ массой лицъ, преимущественно въ школахъ, то во всякомъ случаѣ они преслѣдовали иныя цѣли, а не имѣли въ виду осуществить задачи общественной психологіи. Поэтому экспериментальныя изслѣдованія въ области общественной психологіи представляютъ собою еще дѣло будущаго.

V. О средствахъ взаимоотношенія отдѣльныхъ членовъ въ соціальныхъ группахъ.

Наиболѣе важнымъ и наиболѣе удобнымъ способомъ общенія или обмѣна мнѣній въ человѣческомъ обществѣ, безъ сомнѣнія, является рѣчь въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. устное и печатное или писаное слово.

Безспорно, что устная рѣчь, дающая возможность личнаго обмѣна мнѣній, сопутствуемаго къ тому же такимъ могущественнымъ возбудителемъ эмоцій, какъ жесты и выразительныя движенія, является наиболѣе важнымъ средствомъ психическаго общенія между людьми. Но ея вліяніе сильно ограничивается извѣстными пространственными условіями. Тѣмъ не менѣе, устная рѣчь въ извѣстныхъ

случаяхъ можетъ быть связующимъ звеномъ не только при личномъ общеніи отдѣльныхъ единицъ данной большой группы, но и при общеніи другъ съ другомъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, такъ какъ, благодаря посредникамъ, посламъ или делегатамъ, съ помощью устной рѣчи можетъ устанавливаться общеніе даже между пространственно разъединенными группами лицъ.

Этотъ способъ посредственнаго устнаго общенія, бывшій въ обычаѣ въ старину, примѣняемый, впрочемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ и нынѣ (напр., при посылкѣ представителей одной группы къ другой), въ значительной мѣрѣ уступаетъ мѣсто въ отношеніи своей практичности писаному или печатному слову, которое, правда, лишено такихъ важныхъ сопровождающихъ элементовъ, какъ жесты и выразительныя тѣлодвиженія, но которое, имѣя возможность вызывать ихъ въ читателѣ, обладаетъ удобствами передачи на громадныя разстоянія.

Но не одно слово можетъ служить посредникомъ для объединенія соціальныхъ группъ. Выразительныя тѣлодвиженія и жесты, несомнѣнно, въ этомъ отношеніи имѣютъ немаловажное значеніе. Дѣйствуя непосредственно на невро-психику и возбуждая подражаніе, языкъ жестовъ въ смыслѣ общенія иногда оказывается даже сильнѣе самого слова, какъ это можно видѣть, напр., въ возбужденной толпѣ.

Несомнѣнно также, что имѣются формы объединенія соціальныхъ группъ, гдѣ средствомъ объединенія является не столько слово, сколько дѣйствіе, возбуждающее аффективное состояніе, какъ это мы имѣемъ, напримѣръ, въ публикѣ, созерцающей театральное зрѣлище. Аналогичное явленіе мы имѣемъ въ молитвенныхъ мѣстахъ, а иногда и въ толпѣ, гдѣ дѣйствіе нерѣдко является стимуломъ для подражанія.

Равнымъ образомъ, и въ профессіональныхъ группахъ объединяющимъ условіемъ до извѣстной степени является однородная дѣятельность большинства членовъ одной и той же группы.

Итакъ, устное и печатное или писаное слово, мимика и жесты и, наконецъ, дѣйствіе, возбуждающее подражаніе,—вотъ тѣ способы или средства, благодаря которымъ устанавливается общеніе въ массѣ лицъ и которыми достигается установленіе извѣстнаго взаимоотношенія отдѣльныхъ лицъ въ общественныхъ группахъ.

VI. Факторы, управляющіе совокупной дѣятельностью многихъ лицъ или собраній.

Если нервно-психическая дѣятельность массы лицъ обнаруживаетъ особенности, отличающія ее отъ нервно-психической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, то, безъ сомнѣнія, должны быть и особые факторы, обусловливающіе эти особенности.

Нѣкоторые, какъ мы видѣли, держались гипотезы о существованіи особой соціальной или народной души, какъ бы отдѣльной отъ индивидуальной души (Steinthal, Lazarus); но бездоказательность этой гипотезы не привлекаетъ къ ней уже приверженцевъ.

Другіе, и въ числѣ ихъ должно прежде всего упомянуть о В. Вундтѣ, склонны думать, какъ мы видѣли выше, что соціальные продукты нервно-психической дѣятельности суть собственно продукты индивидуальной нервно-психической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, признаваемой другими адэкватною ихъ собственной. Такое толкованіе соціальныхъ проявленій нервно-психической дѣятельности отвѣчаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ внѣшней ихъ сторонѣ, такъ какъ нерѣдко индивидуальная нервно-психическая дѣятельность является выразителемъ нервно-психической дѣятельности массы лицъ, объединенныхъ во имя той или другой цѣли; но оно не объясняетъ самого явленія по существу, а потому и не можетъ быть признано заслуживающимъ большого вниманія.

Мы видѣли также, на какомъ основаніи не пріемлема гипотеза объ единствѣ сознаній, пытавшаяся объяснить намъ совокупную дѣятельность массы лицъ, образующихъ то или другое собраніе.

Въ послѣднее время нѣкоторыми изъ авторовъ *) выдвигается еще гипотеза о томъ, что въ безсознательной психической дѣятельности, олицетворяющей будто бы опытъ предшествующихъ генерацій, всѣ индивиды одинаковы, различія же между ними обнаруживаются лишь въ сознательной области. Это положеніе, конечно, помогло бы уяснить намъ общность дѣйствій массы лицъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Но дѣло въ томъ, что наслѣдственный опытъ безчисленнаго ряда предшествующихъ генерацій обнаруживается, собственно, въ простыхъ рефлексахъ, но ничуть не въ тѣхъ „безсознательныхъ“ процессахъ, которые какъ, и сознательные, относятся собственно къ нервно-психической дѣятельности предполагающей прошлый индивидуальный опытъ. Отсюда ясно, что, какъ ни заманчива эта гипотеза, она не можетъ быть полезной при объясненіи общности нервно-психической дѣятельности массы лицъ.

По нашему мнѣнію, объединяющими факторами нервно-психической дѣятельноости отдѣльныхъ лицъ въ общественныхъ группахъ являются слѣдующіе: непосредственное психическое вліяніе, обусловливающее подражаніе, затѣмъ—словесное внушеніе и наконецъ убѣжденіе, основанное на усвоеніи.

Подражаніе есть основа общественности, что было выдвинуто еще въ работѣ Tarde'a. Уже при изученіи рѣчи, этого перваго и основного орудія общественности, подражаніе играетъ особенно важную роль. Равнымъ образомъ и воспитаніе основано въ значительной мѣрѣ на подражаніи. Путемъ того же подражанія человѣкъ перенимаетъ въ значительной мѣрѣ и всѣ общественныя условности и обычаи. Лишь благодаря подражанію человѣкъ становится общественнымъ лицомъ въ настоящемъ смыслѣ слова.

Съ другой стороны, кромѣ непосредственнаго подражанія должно имѣть въ виду и внушаемость, т. е. склонность непосредственно подчиняться словесному вліянію. Дѣло идетъ здѣсь о взаимномъ вліяніи путемъ слова однихъ лицъ на другихъ и о той формѣ внушенія, которую можно бы назвать общественнымъ внушеніемъ. Уже въ школѣ во время обученія мы встрѣчаемся съ внушеніемъ на каждомъ шагу. Съ другой стороны, когда человѣкъ вступаетъ въ ту или другую группу лицъ, въ тотъ или другой кружокъ, онъ получаетъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ внушенія, касающіяся внѣшнихъ условій общежитія, обычаевъ, традицій, и невольно имъ подчиняется.

Процессъ убѣжденія, приводящій къ усвоенію, также дѣйствуетъ въ массахъ людей, какъ и у отдѣльныхъ лицъ. Когда вождь толпы разъясняетъ послѣдней то или другое событіе, это не значитъ, что онъ дѣйствуетъ исключительно путемъ внушенія. Извѣстную долю въ этомъ случаѣ почти всегда занимаетъ и убѣжденіе, которое, такимъ образомъ, является также не несущественнымъ факторомъ объединенія нервно-психической дѣятельности массы лицъ. Въ смыслѣ значенія убѣжденія, какъ объединяющаго фактора, имѣетъ особую важность тотъ фактъ, что въ школахъ всѣ учатся одному и тому же и усвоиваютъ однѣ и тѣ же вещи, что̀ естественно приводитъ къ извѣстной нивелировкѣ различныхъ представителей даннаго сообщества.

Собственно, вездѣ и всюду въ общественныхъ группахъ объединеніе членовъ достигается съ помощью упомянутыхъ трехъ факторовъ, основанныхъ на подражательности, внушаемости и усвоеніи. Но внѣшними импульсами къ объединенію служатъ болѣе всего классовыя и профессіональныя условія, втягивающія личность въ свой кругъ жизненныхъ привычекъ и обычаевъ. Эти условія, собственно, и являются опредѣлителями многихъ внѣшнихъ особенностей той или другой личности, обусловленныхъ принадлежностью ея къ опредѣленной группѣ лицъ или къ извѣстному классу общества.

Въ каждой общественной группѣ имѣются свои условности и обычаи и свои традиціи, которые обыкновенно каждымъ новымъ членомъ и перенимаются болѣе или менѣе быстро, благодаря вышеуказаннымъ факторамъ, дѣй-

*) Vierkandt, Naturvölker u. Kulturvölker, Lamprecht, Moderne Geschichtwissenschaft, и др.

ствующимъ часто совершенно незамѣтно для отдѣльныхъ лицъ; однако, достаточно человѣку по какимъ-либо обстоятельствамъ выйти изъ одной группы и перейти въ другую, чтобы онъ тотчасъ же почувствовалъ, въ какой мѣрѣ въ немъ вкоренились условности и обычаи прежней группы, и что нужно опять извѣстное время, чтобы приспособиться къ новымъ условіямъ той группы, въ которую онъ вступаетъ.

VII. О собирательной личности.

Всякое, вообще, общество, какъ собирательная личность, имѣетъ свою индивидуальность въ зависимости отъ умственнаго уровня его сочленовъ, отъ ихъ профессіи, отъ ихъ служебнаго положенія, далѣе отъ того цемента, который связываетъ отдѣльныхъ членовъ въ одно сообщество, и, наконецъ, отъ племенныхъ особенностей.

Для обозначенія той формы собранія лицъ, которая проявляетъ себя, какъ цѣлое, и которая служитъ предметомъ изслѣдованія общественной психологіи, въ сущности не имѣется общаго термина. Въ однихъ случаяхъ мы имѣемъ уличную толпу, въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ митингъ, въ третьихъ случаяхъ мы имѣемъ собраніе совѣтовъ, въ четвертыхъ случаяхъ мы имѣемъ созерцающую или слушающую публику во время зрѣлищъ, въ театрахъ и т. п.

Всѣмъ этимъ формамъ общественныхъ проявленій нервно-психической сферы мы можемъ придать общее или родовое названіе, обозначивъ ихъ общимъ именемъ собраній, имѣющихъ каждое свою собирательную личность.

Какой бы формы и какого бы состава ни были тѣ или другія собранія, являющіяся предметомъ изслѣдованія общественной психологіи, они всегда обнаруживаютъ совмѣстную нервно-психическую дѣятельность, безъ каковой они являются сборищемъ отдѣльныхъ лицъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго.

Такимъ образомъ, собирательную личность представляетъ собою всякая, вообще, толпа, общественное собраніе, засѣданіе совѣтовъ, театральная публика и т. п., иначе говоря, всѣ виды собраній, объединенныхъ той или другой цѣлью, безразлично—будетъ ли эта цѣль опредѣляться какимъ-либо случайнымъ событіемъ, предписана ли она уставомъ или установлена обычаемъ, или какимъ-либо инымъ образомъ. Отсюда очевидно, что собирательная личность въ различныхъ общественныхъ и народныхъ собраніяхъ представляется неодинаковой въ зависимости отъ общей объединяющей ихъ цѣли.

Одинъ изъ яркихъ примѣровъ собирательной личности представляетъ собою уличная толпа, объединяющаяся по какому-либо случайному поводу.

Всякая, вообще, толпа представляетъ собою сборище лицъ, прежде не имѣвшихъ другъ съ другомъ ничего общаго и объединившихся по какому-либо внѣшнему поводу, возбуждающему одно и то же аффективное состояніе у многихъ лицъ. Благодаря тѣсному объединенію своихъ членовъ, толпа представляетъ собою нѣчто цѣлое, одну собирательную личность, въ которой составляющія ее отдѣльныя лица какъ бы стушевываются.

Это объединеніе толпы происходитъ, конечно, не сразу, но почти всегда съ необычайной быстротой.

На митингахъ объединяющимъ элементомъ, кромѣ внѣшнихъ поводовъ, возбуждающихъ аффективное состояніе, является и самый предметъ обсужденія. Поэтому, хотя на митингахъ могутъ раздаваться рѣчи различнаго содержанія, но, тѣмъ не менѣе, предметъ обсужденія является общимъ для всѣхъ, благодаря чему создаются на митингахъ объединяющіе многихъ одинаковые взгляды, а нерѣдко поддерживается при этомъ и общее настроеніе. Лица, не объединяющіяся въ этихъ собраніяхъ и стоящія къ нимъ въ рѣзкой оппозиціи, обыкновенно выдѣляются изъ общей массы и, такимъ образомъ, не нарушаютъ общаго хода работы въ подобныхъ собраніяхъ. Въ общественныхъ, научныхъ и служебныхъ собраніяхъ общая умственная работа опредѣляется извѣстною цѣлью, напримѣръ, выясненіемъ положенія, исканіемъ истины или регулированіемъ государственной

жизни. Въ общественныхъ и политическихъ союзахъ дѣло идетъ о собраніяхъ, цѣль которыхъ опредѣлена заранѣе и указывается писанымъ уставомъ, налагающимъ требованія на лицъ, входящихъ въ союзъ или сообщество. Въ коммерческихъ собраніяхъ цѣлью является успѣхъ того предпріятія, которое даетъ почву для собранія и т. п.

Границы собирательной личности могутъ, конечно, расширяться до цѣлыхъ городовъ и странъ, населеніе которыхъ сплочивается одними общими интересами. Поэтому, мы можемъ говорить о московскомъ обществѣ, о кавказскомъ обществѣ, о польскомъ обществѣ, о русскомъ обществѣ или русскихъ общественныхъ кругахъ. Въ такихъ крупныхъ общественныхъ единицахъ дѣло идетъ, конечно, объ объединеніи, главнымъ образомъ, путемъ печати и взаимоотношенія отдѣльныхъ группъ, но сущность дѣла отъ этого мало мѣняется, такъ какъ вездѣ и всюду дѣло идетъ о большихъ или малыхъ общественныхъ группахъ, спаянныхъ тѣми или другими общими интересами, той или другой цѣлью.

Еще болѣе обширную общественную группу представляетъ собою народъ.

Казалось бы, что народъ представляетъ собою нѣчто столь пестрое, что объ единствѣ его трудно и говорить, а, между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что народъ живетъ въ каждый данный моментъ общими интересами, переживаетъ болѣе или менѣе общія всѣмъ настроенія, волнуется одними и тѣми же чувствами, возбуждается болѣе или менѣе одинаковыми общественными идеалами и живетъ одними и тѣми же общественными стремленіями, создавая одну общую культуру. Эта общность духовной жизни въ каждомъ данномъ народѣ слагается исторически, благодаря цѣлому ряду условій экономическихъ, политическихъ и этнографическихъ и обусловливается единствомъ культуры, единствомъ общественныхъ интересовъ и единствомъ общаго самоопредѣленія.

Наконецъ, наиболѣе обширную группу представляетъ собою все цивилизованное человѣчество, имѣющее общіе интересы населенія земного шара и руководимо общечеловѣческими идеалами.

Безъ сомнѣнія, можетъ быть поставленъ вопросъ, составляютъ ли такія большія группы лицъ, какъ населеніе тѣхъ или другихъ странъ или государствъ, или даже всего цивилизованнаго человѣчества, предметъ общественной психологіи. Здѣсь мы имѣемъ сообщества, хотя и связанныя одними интересами, но почти лишенныя возможности иного общенія другъ съ другомъ, кромѣ печати.

Очевидно, что здѣсь не можетъ быть тѣхъ условій, какъ въ обыкновенныхъ собраніяхъ, и, слѣдовательно, здѣсь не все примѣнимо изъ того, что относится къ сообществамъ и собраніямъ, гдѣ господствуетъ устная рѣчь. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что и въ такихъ большихъ сообществахъ дѣло идетъ о группахъ лицъ, обнаруживающихъ извѣстное общественное настроеніе, выливающееся въ печати и въ отдѣльныхъ собраніяхъ. Равнымъ образомъ, этими большими группами путемъ печати и отдѣльныхъ собраній обсуждаются и критикуются событія и создаются резолюціи, которыя являются собирательными рѣшеніями извѣстной группы отдѣльныхъ обществъ данной страны или государства. Такимъ образомъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ общественной психологіи, но матеріаломъ нѣсколько иного рода, нежели въ случаяхъ обыкновенныхъ собраній.

Если государство есть собраніе лицъ, связанныхъ извѣстными условіями, то, слѣдовательно, къ нему примѣнимы тѣ же законы, что и къ малымъ собраніямъ. Это особенно можетъ быть прослѣжено на малыхъ государствахъ съ однимъ сплошнымъ населеніемъ, гдѣ не имѣется племенной розни. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ государство составляетъ цѣлый конгломератъ народовъ, тамъ, собственно, собранію лицъ уподобляется группа или племя, живущее одними и тѣми же интересами; но независимо отъ того и въ рѣшеніи вопросовъ общаго характера, касающихся всего разноплеменнаго населенія такого государства, содержится матеріалъ, служащій предметомъ изученія общественной психологіи.

Особенностью большихъ группъ является, между прочимъ, то, что всѣ процессы нервно-психической дѣятельности здѣсь протекаютъ медленнѣе, огромныя

массы лицъ вообще болѣе косны, къ тому же и способы объективной дѣятельности (печать, отдѣльныя собранія и пр.) болѣе сложны, хотя при развитыхъ формахъ самоуправленія и при свободѣ собраній объединеніе дѣятельности такихъ массъ происходитъ много быстрѣе, чѣмъ при иныхъ условіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, и здѣсь мы встрѣчаемся и съ массовымъ подъемомъ настроенія активныхъ элементовъ общества, и съ ихъ угнетеніемъ, съ общественнымъ возмущеніемъ или негодованіемъ, съ коллективнымъ умомъ цѣлыхъ народностей, какъ онъ отражается въ повседневной печати и въ литературѣ, а также въ рѣшеніяхъ общественныхъ группъ, и, наконецъ, съ волевыми проявленіями, выражающимися въ тѣхъ или другихъ заявленіяхъ или требованіяхъ, поддерживаемыхъ всѣмъ народомъ, выступающимъ на защиту своихъ правъ.

Итакъ, здѣсь имѣются всѣ элементы соціальной нервно-психической дѣятельности, а потому и эти проявленія общественной мысли должны служить матеріаломъ для общественной психологіи.

Но есть и еще особыя формы соціальной нервно-психической дѣятельности, гдѣ дѣло идетъ о массовыхъ слуховыхъ и зрительныхъ впечатлѣніяхъ, возбуждающихъ мысль и чувство слушателей и зрителей, которые сами по себѣ не призваны къ активному участію въ собраніяхъ. Это—публичныя чтенія, концерты, театры, зрѣлища и т. п.

Здѣсь дѣло идетъ собственно, о процессахъ впечатлѣнія и развитія настроенія въ массѣ лицъ, но не болѣе, подобно тому, какъ въ индивидуальной жизни чтеніе книги даетъ извѣстный рядъ впечатлѣній для читающаго или слушающаго лица. Естественно, поэтому, возникаетъ вопросъ, относятся ли эти явленія къ предмету общественной психологіи.

Въ вышеуказанныхъ собраніяхъ мы имѣемъ публику, которую объединяетъ зрѣлище, и хотя здѣсь взаимообщеніе между членами является лишь косвеннымъ, тѣмъ не менѣе, нетрудно убѣдиться, что объединеніе въ театральной публикѣ, созерцающей то или другое зрѣлище, или въ публикѣ, слушающей концерты, устанавливается съ особенной быстротой, благодаря переживанію однѣхъ и тѣхъ же эмоцій. Поэтому, хотя слушатели и зрители въ этихъ случаяхъ являются пассивными участниками собранія, но, въ сущности, они здѣсь объединены однимъ общимъ интересомъ, переживаютъ сходственныя эмоціи и возбуждаются болѣе или менѣе одинаковыми мыслями и, наконецъ, заявляютъ массовымъ образомъ свое отношеніе къ дѣйствіямъ на сценѣ или на эстрадѣ знаками одобренія или неодобренія. Въ виду этого не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эти собранія также являются матеріаломъ для общественной психологіи.

Если дѣло идетъ о чтеніяхъ съ преніями, то мы имѣемъ уже собраніе, не только воспринимающее, но и разсуждающее, слѣдовательно, проявляющее не только свое общее настроеніе, но и свой коллективный умъ.

Въ собраніяхъ же, гдѣ принимаются по поводу прочитаннаго и сдѣланныхъ обсужденій еще и рѣшенія, мы имѣемъ проявленія не только общей впечатлительности собраній и коллективнаго настроенія, но и коллективнаго ума и коллективныхъ дѣйствій.

VIII. Объ общественной наслѣдственности.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію проявленій общественной нервно-психической дѣятельности, намъ необходимо еще остановиться на одномъ факторѣ, имѣющемъ большое значеніе въ общественной жизни. Мы имѣемъ въ виду общественную наслѣдственность. Цѣлый рядъ данныхъ говоритъ безусловно въ пользу того, что въ психологіи обществъ огромную роль играетъ факторъ наслѣдственности, но не физической или индивидуальной, а психической. Подъ этимъ названіемъ мы понимаемъ то, что унаслѣдывается обществомъ путемъ воспитанія и преемственности отъ предковъ, что переходитъ къ той или иной общественной организаціи изъ прошлаго и переходитъ въ видѣ какъ бы готовыхъ сложившихся формъ общественной дѣятельности.

Сюда относятся прежде всего всѣ богатства скопленной въ прошломъ общественной психической дѣятельности, передающіяся потомству отъ прошлыхъ поколѣній, какъ языкъ, обычаи, преданія и пр., а также все, что извѣстно подъ названіемъ установившихся традицій и вообще уклада общественной жизни.

Когда и при какихъ условіяхъ сложился обычай, никто сказать не можетъ, даже смыслъ его нерѣдко утрачивается и тѣмъ не менѣе обычай покоряетъ людей и сохраняетъ свою силу, несмотря даже на полное измѣненіе условій, подъ вліяніемъ которыхъ онъ возникъ. Примѣромъ можетъ служить сожженіе костровъ въ Ивановъ день, перешедшее къ намъ отъ временъ язычества, гаданіе на святкахъ, рождественскія елки и т. п.

Не менѣе стойки традиціи въ болѣе интеллигентномъ обществѣ, которыя противостоятъ всякимъ вліяніямъ моды. Таковы ношеніе столь своеобразной одежды, какъ фракъ и цилиндръ, въ офиціальныхъ случаяхъ и всѣ такъ называемые свѣтскіе обычаи, которые непререкаемо господствуютъ въ интеллигентномъ обществѣ, несмотря на всѣми сознаваемую ихъ нелѣпость.

Необходимо далѣе имѣть въ виду, что на психическомъ складѣ общественныхъ организацій отражаются и всѣ продукты нервно-психической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, которые становятся общественнымъ достояніемъ. Сюда относятся такіе результаты человѣческаго творчества, какъ наука, литература и искусства.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти продукты творческой дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, какъ мы уже говорили, до извѣстной степени являются отраженіемъ общественныхъ настроеній и взглядовъ и въ этомъ отношеніи они являются какъ бы показателемъ нервно-психической дѣятельности народовъ. Но въ то же время наука, литература и искусства являются такимъ факторомъ, существованіе котораго и передача въ потомство не могутъ не отражаться на общественной жизни народовъ, какъ въ каждой общественной группѣ не остаются безъ вліянія на ея дѣятельность результаты прошлой умственной работы той же общественной группы.

Необходимо, далѣе, имѣть въ виду, что на дѣятельности обществъ отражается все духовное имущество, состоящее въ пріобрѣтеніяхъ, которыя дѣлаетъ человѣчество съ каждымъ шагомъ своего поступательнаго движенія въ области индустріи и которыя имѣютъ прямое отношеніе къ общественной жизни, какъ, напримѣръ, усовершенствованія способовъ сношенія людей черезъ пространства, усовершенствованія способовъ передвиженія и пр.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, какое значеніе имѣетъ общественная наслѣдственность для психической жизни народовъ и общественныхъ организацій.

Безъ сомнѣнія, эта общественная наслѣдственность является возможной, благодаря передачѣ путемъ печатнаго и устнаго слова продуктовъ человѣческаго творчества отъ одного поколѣнія къ другому. При этомъ особую роль въ указанномъ отношеніи играетъ воспитаніе юношества, но не лишена значенія и простая преемственная передача отъ однихъ лицъ къ другимъ, которая происходитъ вездѣ и всюду въ каждой общественной организаціи, служа основой для укрѣпленія общественныхъ традицій между ея членами.

IX. Взаимоотношеніе личности и общества.

Развитіе личности, какъ соціальной особи, коренится въ тѣхъ особыхъ условіяхъ, которыя складываются вокругъ нея при ея рожденіи, вслѣдствіе неодинаковой съ другими наслѣдственности и обусловленнаго этимъ различія въ темпераментѣ и въ развитіи и характерѣ наклонностей, а это обусловливаетъ различныя способности въ пріобрѣтеніи навыковъ, что въ свою очередь, въ связи съ внѣшними условіями, окружающими личность, приводитъ къ различному ея положенію въ обществѣ. Самая обстановка со дня рожденія представляется неодинаковой для различныхъ личностей, откуда возникаетъ большое разнообразіе во внутреннемъ богатствѣ каждой личности, состоящемъ въ пріобрѣтеніи навыковъ или т.-наз. сочетательныхъ рефлексовъ и обезпечивающемъ различныя условія ея существованія.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

Надо къ этому прибавить, что различныя личности находятся въ различныхъ личныхъ условіяхъ въ смыслѣ общенія ихъ съ окружающими лицами, а равно и въ неодинаковыхъ условіяхъ воспитанія, что также не лишено громаднаго значенія въ отношеніи будущаго развитія каждой данной личности. Поэтому, внутренній обликъ личности опредѣляется въ значительной мѣрѣ обществомъ, его интересами, обычаями и другими общественными установленіями. Иначе говоря, личность есть въ значительной мѣрѣ продуктъ самого общества, представляющаго собою милліоны подобныхъ же единицъ въ рядѣ смѣняющихъ другъ друга поколѣній. Благодаря совокупности всѣхъ условій, неодинаковыхъ для различныхъ личностей, и происходитъ психологическое обособленіе одной личности, какъ соціальной особи, отъ другихъ.

Само собой разумѣется, что огромную роль въ этомъ отношеніи должны играть профессія и занятія, которыя естественно отражаются на общемъ развитіи нервно-психической сферы каждой личности. Въ особенности здѣсь должно быть принято во вниманіе раздѣленіе труда, иногда чрезвычайно мелочное, которое не можетъ не оказывать огромнаго вліянія на развитіе нервно-психической дѣятельности отдѣльныхъ личностей. Точно такъ же и различныя условія матеріальнаго благосостоянія должны извѣстнымъ образомъ отражаться на нервнопсихическомъ складѣ отдѣльныхъ личностей.

Такимъ образомъ ясно, что общественныя условія оказываютъ самое существенное вліяніе на развитіе личности и закрѣпляютъ и поддерживаютъ въ ней тѣ или иныя особенности, благодаря своеобразнымъ свойствамъ той или другой профессіи или различнымъ условіямъ существованія.

Равнымъ образомъ, и условія мѣстности и климата своими внѣшними вліяніями не могутъ не отражаться извѣстнымъ образомъ на развитіи личности. Въ связи съ этимъ и состояніе физическаго здоровья, перенесенныя болѣзни и другія органическія условія, вліяющія на живость нервно-психическихъ актовъ, должны быть также приняты во вниманіе при оцѣнкѣ развитія личности.

При всемъ томъ, хотя каждая личность является чѣмъ-то обособленнымъ отъ всѣхъ другихъ личностей и характеризуется своимъ комплексомъ навыковъ, хотя она и живетъ какъ психологическая особь, обнаруживая себя различнымъ образомъ, сообразно своему кругозору, образованію, общественному положенію и т. п., но на самомъ дѣлѣ дѣятельность личности въ значительной мѣрѣ является не индивидуальной, а соціальной *). Такъ, прежде всего, языкъ, которымъ ползуется личность, составляетъ принадлежность цѣлаго народа, а не индивидуальности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и поведеніе личности подчинено законамъ общественности. Каждая личность является до извѣстной степени рабомъ обычая и формы, выработанной обществомъ, и даже предразсудковъ и суевѣрій, въ немъ господствующихъ. Личность не только пользуется общимъ для всѣхъ языкомъ, но и носитъ общественный покрой платья, слѣдуетъ за модой, имѣетъ въ той или иной мѣрѣ національныя воззрѣнія, придерживается общепринятыхъ обычаевъ, живетъ общей со всѣми культурой, имѣетъ общія всѣмъ правовыя и этическія понятія, болѣе или менѣе общее міровоззрѣніе, общіе идеалы и приблизительно одинаково оцѣниваетъ тѣ или другія событія, какъ прошлыя, такъ и настоящія.

Все это обусловливается тѣмъ, что личность, благодаря подражанію, внушенію и усвоенію, пріобрѣтаетъ съ воспитаніемъ господствующіе привычки и взгляды, становясь шаблоннымъ выразителемъ своей среды.

Равнымъ образомъ, человѣкъ имѣетъ общія всѣмъ вѣрованія и повторяетъ сужденія объ окружающемъ, о созданіи вселенной, выработанныя не имъ, а другими, и принятыя всѣмъ обществомъ. Онъ живетъ идеалами, которые общи и другимъ, и, наконецъ, онъ обнаруживаетъ стремленія, также общія многимъ.

Словомъ, вмѣсто того, чтобы проявлять себя особымъ образомъ, личность оказывается въ большинствѣ своихъ дѣйствій и поступковъ, а равно и въ сво-

*) В. Бехтеревъ. Личность и общественныя условія ея развитія и здоровья. Отд. изд. СПБ.

ихъ заявленіяхъ, представителемъ общества, а не самого себя. Отсюда очевидно, что личность является больше повторителемъ, нежели индивидуальнымъ созидателемъ. Иначе говоря, она является въ значительной мѣрѣ соціальнымъ продуктомъ, а не самобытной особью.

Такимъ образомъ, личность, входящая въ общество, перестаетъ быть сама собой, она становится одной частью самого общества, и въ этомъ смыслѣ она утрачиваетъ значительную долю своего независимаго существованія, становясь исполнительницей общественныхъ установленій. Отсюда ясно, что общество есть нѣчто такое, что властвуетъ надъ личностью, такъ какъ оно является въ значительной мѣрѣ руководителемъ сложныхъ нервно-психическихъ соотношеній, въ которыхъ отдѣльныя личности являются только исполнительными органами. Иначе говоря, объединенная нервно-психическая дѣятельность общества является какъ бы равнодѣйствующей отдѣльныхъ личностей и имѣетъ свои законы развитія, основанные на взаимодѣйствіи входящихъ въ общество членовъ.

Даже личности, принадлежащія къ разнымъ народамъ, хотя и говорятъ на разныхъ языкахъ, но подчиняются общечеловѣческимъ обычаямъ въ обращеніи, имѣютъ одинаковыя или приблизительно одинаковыя этическія и эстетическія понятія, высказываютъ одинаковыя воззрѣнія общаго характера, провозглашаютъ болѣе или менѣе одинаковые общечеловѣческіе идеалы и т. п.

Правда, въ современномъ обществѣ мы встрѣчаемся съ различными слоями, съ классовымъ раздѣленіемъ, съ профессіональными группами, съ различными кружками и пр., какъ будто бы раздѣляющими человѣчество на отдѣльныя части. Однако, эти подраздѣленія не такъ глубоки, чтобы уничтожать общность многихъ формъ внѣшнихъ проявленій нервно-психической дѣятельности различныхъ личностей.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и эти подраздѣленія, играя роль меньшихъ обществъ, такъ же точно властвуютъ надъ отдѣльными входящими въ нихъ личностями, которыя во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ сообразуются съ общепринятыми въ данномъ сообществѣ обычаями, взглядами и установленіями.

Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ личность является существомъ соціальнымъ въ настоящемъ смыслѣ слова, повторяя не свои особые, а общіе всѣмъ взгляды, выполняя общіе всѣмъ обычаи, обнаруживая въ извѣстныхъ случаяхъ общія всѣмъ дѣйствія, и т. п.

Всѣ дѣйствія личности въ этомъ случаѣ какъ бы впередъ предопредѣлены. Человѣкъ въ обществѣ безусловно подчиненъ общественнымъ требованіямъ. Его платье опредѣлено заранѣе, его обращеніе съ другими подчинено извѣстнымъ условностямъ, его образъ дѣйствій связанъ общественной формой.

Въ своихъ дѣйствіяхъ человѣкъ, находящійся въ общественномъ мѣстѣ, является какъ бы автоматомъ, подчиняющимся общимъ правиламъ и выполняющимъ общепринятые обычаи. Лишь въ нѣкоторой степени личность можетъ проявить свою особенность въ поступкахъ и въ рѣчи и при томъ, главнымъ образомъ, въ ихъ содержаніи и лишь отчасти въ формѣ, такъ какъ и характеръ поступковъ, и содержаніе рѣчи, а тѣмъ болѣе форма, также въ значительной мѣрѣ предопредѣляются цѣлью и составомъ собранія.

Подъ общественнымъ давленіемъ, подъ всеподавляющимъ вліяніемъ общественныхъ установленій личность въ общественныхъ условіяхъ дѣятельности почти не имѣетъ возможности свободно проявлять свои жизненныя потребности: свободно двигаться, нестѣсненно сидѣть, предаваться, когда нужно, отдыху, свободно дышать и т. п., такъ какъ все это строго регулируется общественными обычаями, правилами, приличіемъ, тѣми или другими установленными заранѣе формами и т. п. При этомъ, какъ только при этихъ условіяхъ личность сдѣлаетъ попытку выйти изъ обычно установленныхъ обществомъ правилъ, такъ тотчасъ же на нее обрушивается вся сила общественныхъ тисковъ и снова вводитъ ее въ свои границы или же, въ случаѣ болѣе рѣзкихъ отступленій, сдавливаетъ ее почти до полнаго уничтоженія въ соціальномъ смыслѣ, какъ бы мстя ей за ея смѣлое выступленіе изъ установленныхъ обществомъ нормъ.

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что соціальныя проявленія личности удерживаются и въ преемственной передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ этомъ случаѣ, конечно, дѣйствуетъ законъ эволюціи, и общія или соціальныя проявленія нервно-психической дѣятельности того или другого сообщества подвергаются непрерывнымъ измѣненіямъ, что случается то быстрѣе, то медленнѣе; но, несмотря на это, личность каждый разъ подчиняется постоянно видоизмѣняющимся, вслѣдствіе преемственнаго развитія, соціальнымъ проявленіямъ нервно-психической дѣятельности даннаго сообщества.

Извѣстно, что моды, обычаи, взгляды и теоріи мѣняются иногда съ необычайной быстротой, представляясь, такимъ образомъ, далеко не постояннымъ явленіемъ, и, тѣмъ не менѣе, личность слѣдуетъ всѣмъ этимъ измѣненіямъ, подчиняясь такимъ образомъ непрерывно измѣняющимся проявленіямъ общественной жизни.

Изъ предыдущаго ясно, что самая организація общественности основана на повелительномъ принципѣ общества надъ личностью, на поглощеніи индивидуальности. Обычаи и законы общества категоричны и требуютъ безусловнаго подчиненія. При развитіи общества всѣ его установленія еще болѣе дифференцируются, стѣсняя индивидуальныя проявленія по всѣмъ пунктамъ, ограничивая личныя стремленія и уничтожая права отдѣльныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ ростомъ общества его установленія становятся болѣе сложными и въ то же время болѣе властными, а потому еще болѣе тѣснятъ личность.

При этомъ все то, чѣмъ личность стѣснена, и что представляетъ собою „общественные шаблоны", является продуктомъ соціальной дѣятельности самой личности; но въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о низшихъ сторонахъ дѣятельности личности, уподобляющихся привычнымъ дѣйствіямъ, переходящимъ въ автоматизмъ.

Какъ волевыя дѣйствія отдѣльнаго лица, благодаря частому упражненію и привычкѣ, становятся автоматичными и шаблонными, такъ и вышеуказанныя общественныя установленія упрочились, благодаря обычаю и повторенію изъ рода въ родъ, и сдѣлались такимъ образомъ общепринятыми и шаблонными.

Касаясь собственно условій общественныхъ отношеній, эти обычаи и „общественные шаблоны" въ сущности ограничиваютъ личность въ той ея дѣятельности, которая является болѣе или менѣе автоматичною и не затрогиваютъ ея индивидуальныхъ проявленій и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣхъ ея сторонъ, какія дѣлаютъ личность самобытной единицей съ принадлежащими только ей одной взглядами и стремленіями, насколько, конечно, эти послѣднія не приводятъ къ нарушенію правъ другихъ.

Эта индивидуальная сторона личности и должна имѣть особое значеніе и въ жизни общественной жизни, такъ какъ ею собственно и опредѣляется прогрессъ общества.

Дѣло въ томъ, что лишь благодаря своимъ индивидуальнымъ способностямъ личность поднимается выше уровня массы и можетъ осуществлять созидательную работу, обезпечивающаго поступательный ходъ умственнаго развитія человѣчества.

Можно сказать, что самобытное развитіе личности есть основа соціальнаго прогресса народовъ, который лучше всего обезпечивается полной свободой личности въ ея взглядахъ и стремленіяхъ, насколько послѣднія не могутъ нарушать интересы другихъ и, въ особенности, интересы общества, какъ цѣлаго.

Несправедливо, поэтому, придерживаться довольно распространеннаго взгляда на взаимоотношеніе личности и общества, по которому личность и общество уподобляются двумъ чашкамъ вѣсовъ, колеблющихся въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, благодаря чему будто бы интересы общества выигрываютъ при подавленіи личности—и наоборотъ.

Необходимо, напротивъ того, признать, что хорошая общественная организація, обезпечивая должнымъ образомъ общественные интересы, предоставляетъ самобытному развитію личности возможно большую свободу, ибо лишь въ развитіи самобытныхъ особенностей личности лежитъ залогъ прогресса народовъ.

В. М. Бехтеревъ.

БИБЛИОТЕКА

Отдѣльныя оттиски изъ №№ 1 и 2 „Вѣстника Знанія“
за 1911 г.